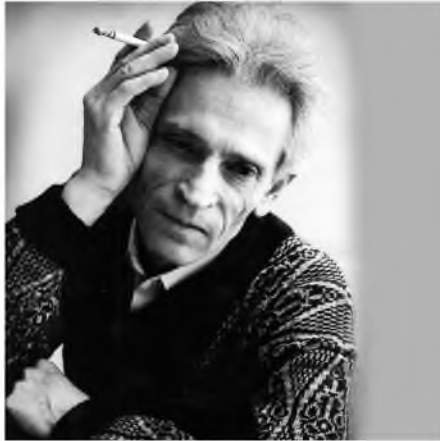

НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ (1934-2007)

**НЕ ВЫПЛАКАТЬ
ПАМЯТЬ
ЖЕСТОКОГО ВЕКА
ПУСТЫНЯ**

Вчера отсыяли Тянь-Шанские горы,
теперь о пустыне пошли разговоры.
И желтый сухой заметающий ветер
насквозь пронизал мою грудь на рассвете.
И слезы вскипели, которых не удержишь,
как в храм Магомета
вползающий дервиш...

... Я голоден, тощ, но глаза мои сухи –
сiju на пайке, ученик ремеслухи.
Не слишком смакую мальчишечьи беды,
живу «Все для фронта и все для Победы».
Базар Самарканда ... Чалмы и пилотки,
и язвы чесотки, и ритмы чечётки...

... Не выплакать память жестокого века -
обитель и грезу усто Улугбека.
Миражную плоть и восторг полумира –
летающий в зенит мавзолей Гур-Эмира!
Но кто это создал? Предвечные духи?
Устоды! Питомцы своей ремеслухи...

... Здесь дух Азраил над барханами вьется,
ведя караваны к иссохшим колодцам.
Здесь черный шакал разрывает могилы
людей, что кичились богатством и силой...
... Проснулся и вижу сквозь желтые слезы:
глядятся в канал виноградные лозы.

МЫ СИДИМ С ТОБОЮ

Мы сидим с тобою, глядя в небо,
ранний друг мой, тоненький росток.
Коркой поджаренного хлеба
над Тянь-Шанем теплится восток.

Чан с водой остался у арыка –
не под силу тоненькой руке,
круглая созрела земляника,
дикий голубь стонет вдалеке.

Понимаю, как тебе неловко,
вижу, как пытаешься тайком
стриженую круглую головку
приукутать стареньким платком.

Мы сидим... и нам всего по восемь,
мы еще не знаем взрослых слов,
вырастем – тогда, наверно, спросим –
есть ли в этом возрасте любовь...

Что есть жизнь и что есть мирозданье,
на плечах невинных – чья вина?
Нам, конечно, скажут в оправданье,
Что была война, была война...

Все-то я пойму, да будет поздно...
Вечной сказкой о добре и зле –
восьмилетней, стриженной, тифозной
так ты и осталась на земле...

СУХОВЕЙ

Неужто жил и я на белом свете
в объятьях доброты и простоты,
когда отара катится на ветер,
вытаптывая травы и цветы.

1988

И девочка – подросток, дочь хозяйки,
к полудню приносила мне обед,
безбровая и в кофте – разлетайке,
в шальных глазах: семь бед – один ответ!

Конечно же, мы были однолюбы
и отвергали взрослую игру,
шершавые распахнутые губы
цвели от поцелуев на ветру.

А я мечтал о суетной столице,
о парках и бульварах, но пока
туда, на запад, плыли вереницей
чабанские степные облака.

Девчонка бросит школу, выйдет замуж,
понарожает крепеньких детей,
пришлет мне пару писем, ну, а там уж –
крестьянский быт и никаких затей...

А по весне взойдет трава забвенья,
и азиатский ветер – суховея
короткое и яркое цветенье
развеет в знойной ярости своей.

1988

ПОЭТ

Игорю Чернухину

Он перепробует все маски,
смешает все земные краски,
в мольберт небесных прихватив,
и лишь тогда придаст огласке
наитьем найденный мотив.

Оскоромшит и офенит,
растратит душу до конца
и возродится, словно Феникс,
во имя красного словца.

Корнями вглубь земли вращая,
он в синий холод, в белый зной
цветет, цветет, не отцветая
неопалимой купиной.

Он перепробует на ощупь,
на слух, на запах и на вкус –
цветную радугу над рощей,
трухлявый пеня, цветущий куст...

И будь он дерзок или робок –
словцо стремится на ловца
пока сольется в самородок
золотоносная пыльца...

В пределах жребия земного
найти тропу добра и зла
быть царедворцем в царстве слова –
и растранижить слова...

* * *

Растает марево степное
над небом, чуждых облаков,
и вас охватит запах хвои
и перекличка грибников.

Маслята в розовых рубашках...
Пологий берег и вода,
и камыши, и луг в ромашках,
и пастушата, и стада...

И тем прекрасней этот полдень,
что он не сказка и не сон,
он явлен, явлен, мир Господень
и людям в дар преподнесен...

* * *

Угаснет день на крышах позолотой
и вечер – тих, прохладой освежен,
камыш, уставший кланяться болоту,
уснул, по пояс в воду погружен.

Замолкли птицы, пчелы откружились,
покой на муравьиных хуторах,
на стебельках зеленых сухожилий
ромашки прикорнули до утра.

А по ночам – тоскливый крик лягушек...
Гармоник захмелевших перебор,
и небо метеорит прямо в душу,
и степь ведет пахучий разговор...

* * *

Душе и разуму, расколотым,
не разделиться, не разъехаться,
октябрь, пресыщаясь золотом,
деревья обирает нехотя...

Но как уйти, не бросив вызова,
уйти невидимым, неслышимым
от разъяренных телевизоров,
от улиц с грязными афишами?

Между людьми, между народами
несется клич: «Иду на вы!»
А тут – плывут над огородами
дымы картофельной ботвы...

Пока земля не стала глобусом,
не умерла от облысения,
не электричкой, так автобусом
удрать в обители осенние.

Туда, где не кричат о голоде,
где лишь опята хороводятся,
где мирно опадают желуди
и все концы с концами сводятся...

ЭСТАФЕТА

Укрывшись от последнего мороза
колючей и пахучей желтизной,
февральская красавица мимоза
венчает зиму с раннею весной.

За нею, пробиваясь сквозь валежник,
заимствуя небес голубизну,
украстит землю девственный подснежник
и сохранит для ландыша весну.

Цветочную цветную эстафету
по кругу понесут гонцы весны,
передадут ромашковому лету,
сдадутся в плен на милость желтизны.

1985

СО СТОРОНЫ

«Тебе легче, ты человек со стороны...»
Из письма друга – геолога

Я человек со стороны.
Я не с Венеры, не с Луны.
Я странный сын своей страны,
и в этом нет ничьей вины.

Я человек со стороны,
Где люди совестью больны,
Где нервы так обнажены...
и в этом нет ничьей вины.

Я человек со стороны,
мои задачи так сложны,
что и на треть не решены,
и в этом нет ничьей вины.

Я человек со стороны,
мне днем созвездия видны,
а по ночам цветные сны,
и в этом нет ничьей вины.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

РЫБАКИ

Дымный табор у обрыва,
луг, намокший от росы,
а в затоне ходит рыба –
чебаки да караси.
Остругаю удилище,
мылом нитку просучу,
просмотрю у лодки днище
да весло укорочу!
Размечтался не на шутку,
да в карманах пустота...
Цыганенок самокрутку
вынимает изо рта.
Я-то знаю, я ученый,
я от зависти – молчок:
на ладони прокопченной
пляшет новенький крючок.
И как будто с того света
слышу голос сатаны:
«Эй, безмамкин, денег нету,
скидавай – давай штаны!»...

Я стою, глотая слезы,
я сжимаю кулаки,
над водой парят стрекозы,
реют пчелы и жуки.

ЗИМА

Наконец – то и город, и Орлик в снегу,
невозможно поверить, что летом
васильки да ромашки на том берегу,
лопухи да крапива на этом.

В кои веки укрытыми спят зелены,
в перелесках опущены ветви,
и, как будто дразня, повторяет лыжня
прихотливые заячьи петли.

Снегири и синички, сорок говорок...
До последней рябиновой кисти
птичьи стаи с зимы собирают оброк,
и природа не знает корысти.

3 января 1997 г.

АВГУСТ

Главное – начать свой день с простейшего:
улыбнуться, глядя на восток,
выпить августейшего, густейшего,
наливного августа глоток.

Улыбнуться – долго ли умеючи,
принимая к сердцу даль и близь,
потому что нет на свете мелочи,
без которой можно обойтись.

Дворничиха борется с окурками,
ветер в тополях зеленогрив,
рыжий кот заигрывает с мурками,
пенчик хорохорится «жив – жив!»

А напротив дом кирпичный строится.
чтобы в нём не скапливался сор,
«майна» с «вирой» спозаранку ссорятся,
свежим матерком крепят раствор.

Все при деле – люди и растения
и, покуда солнце у руля,
есть на свете радость обретения
и в охотку вертится земля.

1997 г.

ЖАЛОСТЬ

Почему-то мне жалко других, -
одноклассников, близких, знакомых,
дорогих или не дорогих,
не ведущих себя, а ведомых.

Я за всё благодарен судьбе,
и за то ещё, как оказалось,
что к дражайшему другу, к себе,
никогда не испытывал жалость.

Июль 1996 г.

НУЖДА

Одна судейская отмашка,
а может вовсе без суда –
так родилась моя близняшка,
сестра по имени нужда.

В любви и ревности великой
она выказывала нрав:
то обвивалась повиликой,
а то душила, как удав.

Свой крест безропотно несущий,
я постигал её язык,
покуда веры хлеб насущный
не преломил и не постиг....

И если в том её заслуга,
то пусть живет со мной всегда
моя сестра, моя подруга,
моя печальница – нужда....

16 мая 1998 г.